



ВЛАДИМИР ВЫСОЦКИЙ

Баллада о Любви

Я поля влюбленным постелю,
Пусть поют во сне и наяву.
Я дышу — и, значит, я люблю!
Я люблю — и, значит, я живу!

Владимир Семенович Высоцкий

Баллада о Любви

Серия «Библиотека лучшей поэзии»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19035115

*Баллада о Любви / Владимир Семенович Высоцкий: АСТ; Москва;
ISBN 978-5-17-103882-3*

Аннотация

Владимир Высоцкий (1938–1980) – советский поэт и автор-исполнитель песен, актер, лауреат Государственной премии СССР, человек, чье творчество явилось выражением чувств целой страны. Владимир Высоцкий стал легендой советской музыки, кинематографа, театра, написав более 600 песен и стихов, которые действительно стали классикой.

В этот сборник вошли произведения, которые относятся к разным направлениям, стилям и темам, но тем не менее показывают многообразие творчества поэта и широту его взглядов. Стихотворения расположены в хронологическом порядке, отражая эволюцию Владимира Высоцкого как поэта.

Содержание

Песни 1960–1966 годов	6
Сорок девять дней	6
Татуировка	9
«Я был душой дурного общества...»	11
«Позабыв про дела и тревоги...»	13
Серебряные струны	15
Тот, кто раньше с нею был	16
Лежит камень в степи	19
Большой Каретный	21
«Сколько лет, сколько лет...»	23
«За меня невеста отрыдает честно...»	25
Рецидивист	26
«Я женщин не бил до семнадцати лет...»	28
О нашей встрече	30
Все ушли на фронт	32
«Я любил и женщин и проказы:...»	34
Песня про стукача	36
Братские могилы	38
Городской романс	39
«Ну о чем с тобою говорить...»	41
Попутчик	42
«Сыт я по горло, до подбородка...»	44
«Мой друг уедет в Магадан...»	45

Высота	47
«Есть на земле предостаточно рас...»	48
Песня о сумасшедшем доме	50
Про черта	52
«А люди все роптали и роптали...»	54
Песня о друге	56
Здесь вам не равнина	58
Скалолазка	60
Прощание с горами	62
«Свои обиды каждый человек...»	64
Она была в Париже	65
Песня-сказка о нечисти	67
Песня о новом времени	70
Песни 1967–1970 годов	71
«Корабли постоят – и ложатся на курс,	71
Песенка про йогов	73
Песня о вещем Олеге	76
Ой, где был я вчера	78
Спасите наши души	81
Невидимка	85
Моя цыганская	89
«На стол колоду, господа...»	91
«Сколько чудес за туманами кроется...»	95
«Красивых любят чаще и прилежней...»	97
«Давно смолкли залпы орудий...»	99
Еще не вечер	101

Банька по-белому	103
Охота на волков	106
Оловянные солдатики	109
Ноль семь	112
«И душа и голова, кажись, болит...»	114
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Владимир Высоцкий

Баллада о Любви

Песни 1960–1966 годов

Сорок девять дней

Суров же ты, климат охотский, —
Уже третий день ураган.
Встает у руля сам Крючковский,
На отдых – Федотов Иван.

Стихия реветь продолжала —
И Тихий шумел океан.
Зиганшин стоял у штурвала
И глаз ни на миг не смыкал.

Суровой, ужасней лишенья,
Ни лодки не видно, ни зги, —
И принято было решение —
И начали есть сапоги.

Последнюю съели картошку,
Взглянули друг другу в глаза...

Когда ел Поплавский гармошку,
Крутая скатилась слеза.

Доедена банка консервов
И суп из картошки одной, —
Все меньше здоровья и нервов,
Все больше желанье домой.

Сердца продолжали работу,
Но реже становится стук,
Спокойный, но слабый Федотов
Глотал предпоследний каблук.

Лежали все четверо в лежку,
Ни лодки, ни крошки вокруг,
Зиганшин скрутил козью ножку
Слабевшими пальцами рук.

На службе он воин заправский,
И штурман заправский он тут.
Зиганшин, Крючковский, Поплавский
Под палубой песни поют.

Зиганшин крепился, держался,
Бодрил, сам был бледный, как тень,
И то, что сказать собирался,
Сказал лишь на следующий день.

«Друзья!..» Через час: «Дорогие!..»

«Ребята! – Еще через час. —
Ведь нас не сломила стихия,
Так голод ли сломит ли нас!

Забудем про пищу – чего там! —
А вспомним про наших солдат...»
«Узнать бы, – стал бредить Федотов, —
Что у нас в части едят».

И вдруг: не мираж ли, не миф ли —
Какое-то судно идет!
К биноклю все сразу приникли,
А с судна летит вертолет.

...Окончены все переплеты —
Вновь служат, – что, взял, океан?! —
Крючковский, Поплавский, Федотов,
А с ними Зиганшин Асхан.

1960

Татуировка

Не делили мы тебя и не ласкали
А что любили – так это позади, —
Я ношу в душе твой светлый образ, Валя,
А Алеша выколол твой образ на груди.

И в тот день, когда прощались на вокзале,
Я тебя до гроба помнить обещал, —
Я сказал: «Я не забуду в жизни Вали!»
«А я – тем более!» – мне Леша отвечал.

А теперь реши, кому из нас с ним хуже,
И кому трудней – попробуй разбери:
У него – твой профиль выколот снаружи,
А у меня – душа исколота внутри.

И когда мне так уж тошно, хоть на плаху, —
Пусть слова мои тебя не оскорбят, —
Я прошу, чтоб Леха расстегнул рубаху,
И гляжу, гляжу часами на тебя.

Но недавно мой товарищ, друг хороший,
Он беду мою искусством поборол:
Он скопировал тебя с груди у Леша
И на грудь мою твой профиль наколол.

Знаю я, своих друзей чернить неловко,
Но ты мне ближе и роднее оттого,
Что моя – верней твоя – татуировка
Много лучше и красивей, чем его!

1961

«Я был душой дурного общества...»

Я был душой дурного общества,
И я могу сказать тебе:
Мою фамилию-имя-отчество
Прекрасно знали в КГБ.

В меня влюблялася вся улица
И весь Савеловский вокзал.
Я знал, что мной интересуются,
Но все равно пренебрегал.

Свой человек я был у скокарей,
Свой человек – у щипачей, —
И гражданин начальник Токарев
Из-за меня не спал ночей.

Ни разу в жизни я не мучился
И не скучал без крупных дел, —
Но кто-то там однажды скурвился, ссучился —
Шепнул, навел – и я сторел.

Начальник вел себя не въедливо,
Но на допросы вызывал, —
А я всегда ему приветливо
И очень скромно отвечал:

«Не брал я на душу покойников
И не испытывал судьбу, —
И я, начальник, спал спокойненько,
И весь ваш МУР видал в гробу!»»

И дело не было отложено
И огласили приговор, —
И дали все, что мне положено,
Плюс пять мне сделал прокурор.

Мой адвокат хотел по совести
За мой такой веселый нрав, —
А прокурор просил всей строгости —
И был, по-моему, неправ.

С тех пор заглохло мое творчество,
Я стал скучающий субъект, —
Зачем же быть душою общества,
Когда души в нем вовсе нет!

1962

«Позабыв про дела и тревоги...»

Позабыв про дела и тревоги
И не в силах себя удержать,
Так люблю я стоять у дороги —
Запоздалых прохожих пугать!

«Гражданин, разрешите папироску!»
«Не курю. Извините, пока!»
И тогда я так просто, без спросу
Отбираю у дяди бока.

Сделав вид, что уж все позабыто,
Отбежав на полсотни шагов,
Обзовет меня дядя бандитом,
Хулиганом – и будет таков.

Но если женщину я повстречаю —
У нее не прошу закурить,
А спокойно ей так намекаю,
Что ей некуда больше спешить...

Позабыв про дела и тревоги
И не в силах себя удержать,
Так люблю я стоять на дороге!..
Только лучше б мне баб не встречать!

Серебряные струны

У меня гитара есть – расступитесь, стены!
Век свободы не видать из-за злой фортуны!
Перережьте горло мне, перережьте вены —
Только не порвите серебряные струны!

Я заруюсь в землю, сгину в одночасье —
Кто бы заступился за мой возраст юный!
Влезли ко мне в душу, рвут ее на части —
Только б не порвали серебряные струны!

Но гитару унесли, с нею – и свободу, —
Упирался я, кричал: «Сволочи, паскуды!
Вы втопчите меня в грязь, бросьте меня в воду —
Только не порвите серебряные струны!»

Что же это, братцы! Не видать мне, что ли,
Ни денечков светлых, ни ночей безлунных?!
Загубили душу мне, отобрали волю, —
А теперь порвали серебряные струны...

Тот, кто раньше с нею был

В тот вечер я не пил, не пел —
Я на нее всю глядел,
 Как смотрят дети, как смотрят дети.
Но тот, кто раньше с нею был,
Сказал мне, чтоб я уходил,
Сказал мне, чтоб я уходил,
 Что мне не светит.

И тот, кто раньше с нею был, —
Он мне грубил, он мне грозил.
 А я все помню — я был не пьяный.
Когда ж я уходить решил,
Она сказала: «Не спеши!»
Она сказала: «Не спеши,
 Ведь слишком рано!»

Но тот, кто раньше с нею был,
Меня, как видно, не забыл, —
 И как-то в осень, и как-то в осень —
Иду с дружкой, гляжу — стоят, —
Они стояли молча в ряд,
Они стояли молча в ряд —
 Их было восемь.

Со мною — нож, решил я: что ж.

Меня так просто не возьмешь, —
Держитесь, гады! Держитесь, гады!
К чему задаром пропадать,
Ударил первым я тогда,
Ударил первым я тогда —
Так было надо.

Но тот, кто раньше с нею был, —
Он эту кашу заварил
Вполне серьезно, вполне серьезно.
Мне кто-то на плечи повис, —
Валуха крикнул: «Берегись!»
Валуха крикнул: «Берегись!» —
Но было поздно.

За восемь бед – один ответ.
В тюрьме есть тоже лазарет, —
Я там валялся, я там валялся.
Врач резал вдоль и поперек.
Он мне сказал: «Держись, браток!»
Он мне сказал: «Держись, браток!» —
И я держался.

Разлука мигом пронеслась,
Она меня не дождалась,
Но я прощаю, ее – прощаю.
Ее, как водится, простил,
Того ж, кто раньше с нею был,
Того, кто раньше с нею был, —

Не извиняю.

Ее, конечно, я простил,
Того ж, кто раньше с нею был,
Того, кто раньше с нею был, —
Я повстречаю!

Лежит камень в степи

Артуру Макарову

Лежит камень в степи,
А под него вода течет,
А на камне написано слово:
 «Кто направо пойдет —
 Ничего не найдет,
 А кто прямо пойдет —
 Никуда не придет,
 Кто налево пойдет —
 Ничего не поймет
 И ни за грош пропадет».

Перед камнем стоят
Без коней и без мечей
И решают: идти иль не надо.
 Был один из них зол,
 Он направо пошел,
 В одиночку пошел, —
 Ничего не нашел —
 Ни деревни, ни сел, —
 И обратно пришел.

Прямо нету пути —
Никуда не прийти,

Но один не поверил в заклятья
И, подобравши подол,
Напрямую пошел, —
Сколько он ни бродил —
Никуда не забрел, —
Он вернулся и пил,
Он обратно пришел.

Ну а третий – был дурак,
Ничего не знал и так,
И пошел без опаски налево.
Долго ль, коротко ль шагал —
И совсем не страдал,
Пил, гулял и отдыхал,
Ничего не понимал, —
Ничего не понимал,
Так всю жизнь и прошагал —
И не сгинул, и не пропал.

Большой Каретный

Левону Кочаряну

Где твои семнадцать лет?
 На Большом Каретном.
Где твои семнадцать бед?
 На Большом Каретном.
Где твой черный пистолет?
 На Большом Каретном.
А где тебя сегодня нет?
 На Большом Каретном.

Помнишь ли, товарищ, этот дом?
Нет, не забываешь ты о нем.
Я скажу, что тот полжизни потерял,
Кто в Большом Каретном не бывал.
 Еще бы, ведь

Где твои семнадцать лет?
 На Большом Каретном.
Где твои семнадцать бед?
 На Большом Каретном.
Где твой черный пистолет?
 На Большом Каретном.
А где тебя сегодня нет?
 На Большом Каретном.

Переименован он теперь,
Стало все по новой там, верь не верь.
И все же, где б ты ни был, где ты ни бредешь,
Нет-нет да по Каретному пройдешь.
Еще бы, ведь

Где твои семнадцать лет?
На Большом Каретном.
Где твои семнадцать бед?
На Большом Каретном.
Где твой черный пистолет?
На Большом Каретном.
А где тебя сегодня нет?
На Большом Каретном.

1962

«Сколько лет, сколько лет...»

Сколько лет, сколько лет —
Все одно и то же:
Денег нет, женщин нет,
Да и быть не может.

Сколько лет воровал,
Сколько лет старался, —
Мне б скопить капитал —
Ну а я спивался.

Ни кола ни двора
И ни рожки с кожей,
И друзей – ни хера,
Да и быть не может.

Сколько лет воровал,
Сколько лет старался, —
Мне б скопить капитал —
Ну а я спивался...

Только – водка на троих,
Только – пика с червой, —
Комом – все блины мои,
А не только первый.

1966

«За меня невеста отрыдает честно...»

За меня невеста отрыдает честно,
За меня ребята отдадут долги,
За меня другие отпоют все песни,
И, быть может, выпьют за меня враги.

Не дают мне больше интересных книжек,
И моя гитара – без струны.
И нельзя мне выше, и нельзя мне ниже,
И нельзя мне солнца, и нельзя луны.

Мне нельзя на волю – не имею права, —
Можно лишь – от двери до стены.
Мне нельзя налево, мне нельзя направо —
Можно только неба кусок, можно только сны.

Сны – про то, как выйду, как замок мой снимут,
Как мою гитару отдадут,
Кто меня там встретит, как меня обнимут
И какие песни мне споют.

1963

«Сколько раз судились вы?»
«Плохо я считать умею!»
«Но все же вы – рецидивист?»
«Да нет, товарищ, я – Сергеев».

Это был воскресный день – а я потел, я лез из кожи, —
Но майор был в математике горазд:
Он чего то там сложил, потом умножил, подытожил —
И сказал, что я судился десять раз.

Подавал мне начальник лист —
Расписался как умею —
Написал: «Рецидивист
По фамилии Сергеев».

И это был воскресный день, я был усталым
и побитым, —
Но одно я знаю, одному я рад:
В семилетний план поимки хулиганов и бандитов
Я ведь тоже внес свой очень скромный вклад!

1964

«Я женщин не бил до семнадцати лет...»

Я женщин не бил до семнадцати лет —
В семнадцать ударил впервые, —
С тех пор на меня просто удержу нет:
Направо – налево
я им раздаю «чаевые».

Но как же случилось, что интеллигент,
Противник насилия в быте,
Так низко упал я – и в этот момент,
Ну если хотите,
себя оскорбил мордобитьем?

А было все так: я ей не изменил
За три дня ни разу, признаться, —
Да что говорить – я духи ей купил! —
Французские, братцы,
За тридцать четыре семнадцать.

Но был у нее продавец из «ТЭЖЕ» —
Его звали Голубев Слава, —
Он эти духи подарил ей уже, —
Налево-направо
моя улыбалась шалава.

Я был молодой, и я вспыльчивый был —
Претензии выложил кратко —
Сказал ей: «Я Славку вчера удавил, —
Сегодня ж, касатка,
тебя удавлю для порядка!»

Я с дрожью в руках подошел к ней впритык,
Зубами стуча «Марсельезу», —
К гортани присох непослушный язык —
И справа, и слева
я ей основательно врезал.

С тех пор все шалавы боятся меня —
И это мне больно, ей-богу!
Поэтому я – не проходит и дня —
Бью больно и долго, —
но всех не побьешь – их ведь много.

1963

О нашей встрече

О нашей встрече что там говорить! —
Я ждал ее, как ждут стихийных бедствий, —
Но мы с тобою сразу стали жить,
Не опасаясь пагубных последствий.

Я сразу сузил круг твоих знакомств,
Одел, обул и вытащил из грязи, —
Но за тобой тащился длинный хвост —
Длиннющий хвост твоих коротких связей.

Потом, я помню, бил друзей твоих:
Мне с ними было как-то неприятно, —
Хотя, быть может, были среди них
Наверняка отличные ребята.

О чем просила – делал мигом я, —
Я каждый день старался сделать ночью брачной.
Из-за тебя под поезд прыгнул я,
Но, слава богу, не совсем удачно.

И если б ты ждала меня в тот год,
Когда меня отправили на дачу, —
Я б для тебя украл весь небосвод
И две звезды Кремлевские в придачу.

И я клянусь – последний буду гад! —
Не ври, не пей – и я прошу измену, —
И подарю тебе Большой театр
И Малую спортивную арену.

А вот теперь я к встрече не готов:
Боюсь тебя, боюсь речей интимных —
Как жители японских городов
Боятся повторенья Хиросимы.

1964

Все ушли на фронт

Все срока уже закончены,
А у лагерных ворот,
Что крест-накрест заколочены, —
Надпись: «Все ушли на фронт».

За грехи за наши нас простят,
Ведь у нас такой народ:
Если Родина в опасности —
Значит, всем идти на фронт.

Там год – за три, если бог хранит, —
Как и в лагере зачет.
Нынче мы на равных с вохрами —
Нынче всем идти на фронт.

У начальника Березкина —
Ох и гоно́р, ох и понт! —
И душа – крест-накрест досками, —
Но и он пошел на фронт.

Лучше было – сразу в тыл его:
Только с нами был он смел, —
Вышей мерой наградил его
Трибунал за самострел.

Ну а мы – все оправдали мы, —
Наградили нас потом:
Кто живые, тех – медалями,
А кто мертвые – крестом.

И другие заключенные
Пусть читают у ворот
Нашу память застекленную —
Надпись: «Все ушли на фронт»...

1964

«Я любил и женщин и проказы:...»

Я любил и женщин и проказы:
Что ни день, то новая была, —
И ходили устные рассказы
Про мои любовные дела.

И однажды как-то на дороге
Рядом с морем – с этим не шути —
Встретил я одну из очень многих
На моем на жизненном пути.

А у ней – широкая натура,
А у ней – открытая душа,
А у ней – отличная фигура, —
А у меня в кармане – ни гроша.

Ну а ей – в подарок нужно кольца;
Кабаки, духи из первых рук, —
А взамен – немного удовольствий
От ее сомнительных услуг.

«Я тебе, – она сказала, – Вася,
Дорогое самое отдам!..»
Я сказал: «За сто рублей согласен, —
Если больше – с другом пополам!»

Женщины – как очень злые кони:
Захрипит, закусит удила!..
Может, я чего-нибудь не понял,
Но она обиделась – ушла.

...Через месяц улеглись волнения —
Через месяц вновь пришла она, —
У меня такое ощущение,
Что ее устроила цена!

1964

Песня про стукача

В наш тесный круг не каждый попадал,
И я однажды – проклятая дата —
Его привел с собою и сказал:
«Со мною он – нальем ему, ребята!»

Он пил как все и был как будто рад,
А мы – его мы встретили как брата...
А он назавтра продал всех подряд, —
Ошибся я – простите мне, ребята!

Суда не помню – было мне невмочь,
Потом – барак, холодный как могила, —
Казалось мне – кругом сплошная ночь,
Тем более что так оно и было.

Я сохраню хотя б остаток сил, —
Он думает – отсюда нет возврата,
Он слишком рано нас похоронил, —
Ошибся он – поверьте мне, ребята!

И день наступит – ночь не на года, —
Я попрошу, когда придет расплата:
«Ведь это я привел его тогда —
И вы его отдайте мне, ребята!..»

Братские могилы

На братских могилах не ставят крестов,
И вдовы на них на рыдают, —
К ним кто-то приносит букеты цветов,
И Вечный огонь зажигают.

Здесь раньше вставала земля на дыбы,
А нынче – гранитные плиты.
Здесь нет ни одной персональной судьбы —
Все судьбы в единую слиты.

А в Вечном огне – видишь вспыхнувший танк,
Горящие русские хаты,
Горящий Смоленск и горящий рейхстаг,
Горящее сердце солдата.

У братских могил нет заплаканных вдов —
Сюда ходят люди покрепче,
На братских могилах не ставят крестов...
Но разве от этого легче?!

1963, ред. 1965

Городской романс

Я однажды гулял по столице – и

Двух прохожих случайно зашиб, —
И, попавши за это в милицию,
Я увидел ее – и погиб.

Я не знаю, что там она делала, —
Видно, паспорт пришла получать —
Молодая, красивая, белая...
И решил я ее разыскать.

Шел за ней – и запомнил парадное.
Что сказать ей? – ведь я ж – хулиган...
Выпил я – и позвал ненаглядную
В привокзальный один ресторан.

Ну а ей улыбались прохожие —
Мне хоть просто кричи «Караул!» —
Одному человеку по роже я
Дал за то, что он ей подморгнул.

Я икрою ей булки намазывал,
Деньги прямо рекою текли, —
Я ж такие ей песни заказывал!
А в конце заказал – «Журавли».

Обещанья я ей до утра давал,
Повторял что-то вновь ей и вновь:
«Я ж пять дней никого не обкрадывал,
Моя с первого взгляда любовь!»

Говорил я, что жизнь потеряна,
Я сморкался и плакал в кашне, —
А она мне сказала: «Я верю вам —
И отдамся по сходной цене».

Я ударил ее, птицу белую, —
Закипела горячая кровь:
Понял я, что в милиции делала
Моя с первого взгляда любовь...

1963

«Ну о чем с тобою говорить...»

Ну о чем с тобою говорить!
Все равно ты порешь ахинею,
Лучше я пойду к ребятам пить —
У ребят есть мысли поважнее.

У ребят серьезный разговор —
Например, о том, кто пьет сильнее.
У ребят широкий кругозор —
От ларька до нашей бакалеи.

Разговор у нас и прям и груб —
Две проблемы мы решаем глоткой:
Где достать недостающий рупь
И – кому потом бежать за водкой.

Ты даешь мне утром хлебный квас —
Ну что тебе придумать в оправданье!
Интеллекты разные у нас —
Повышай свое образование!

Попутчик

Хоть бы – облачко, хоть бы – тучка
В этот год на моем горизонте, —
Но однажды я встретил попутчика —
Расскажу вам о нем, знакомьтесь.

Он спросил: «Вам куда?» – «До Вологды»,
«Ну, до Вологды – это полбеда».

Чемодан мой от водки ломится —
Предложил я, как полагается:
«Может, выпить нам – познакомиться, —
Поглядим, кто быстрее сломается!..»

Он сказал: «Вылезать нам в Вологде,
Ну, а Вологда – это вона где!..»

Я не помню, кто первый сломался, —
Помню, он подливал, поддакивал, —
Мой язык, как шнурок, развязался —
Я кого-то ругал, оплакивал...

И проснулся я в городе Вологде,
Но – убей меня – не припомню где.

А потом мне пришили дельце

По статье Уголовного кодекса, —
Успокоили: «Все перемелется», —
Дали срок – не дали опомниться.

И остался я городе Вологде,
Ну а Вологда – это вона где!..

Пятьдесят восьмую дают статью —
Говорят: «Ничего, вы так молоды...»
Если б знал я, с кем еду, с кем водку пью, —
Он бы хрен доехал до Вологды!

Он живет себе в городе Вологде,
А я – на Севере, а Север – вона где!

...Все обиды мои – годы стерли,
Но живу я теперь, как в наручниках:
Мне до боли, до кома в горле
Надо встретить того попутчика!

Но живет он в городе Вологде,
А я – на Севере, а Север – вона где!..

1965

«Сыт я по горло, до подбородка...»

Игорю Кохановскому

Сыт я по горло, до подбородка —
Даже от песен стал уставать.
Лечь бы на дно, как подводная лодка,
Чтоб не могли запеленговать!

Друг подавал мне водку в стакане,
Друг говорил, что это пройдет,
Друг познакомил с Веркой по пьяни:
Верка поможет, а водка спасет.

Не помогли ни Верка, ни водка:
С водки – похмелье, а с Верки – что взять!
Лечь бы на дно, как подводная лодка,
И позывных не передавать!..

Сыт я по горло, сыт я по глотку.
Ох, надоело петь и играть!
Лечь бы на дно, как подводная лодка,
Чтоб не могли запеленговать!

1965

«Мой друг уедет в Магадан...»

Игорю Кохановскому

Мой друг уедет в Магадан —
Снимите шляпу, снимите шляпу!
Уедет сам, уедет сам —
Не по этапу, не по этапу.

Не то чтоб другу не везло,
Не то чтоб кому-нибудь назло,
Не для молвы: что, мол, чудак, —
А просто так.

Быть может, кто-то скажет: «Зря!
Как так решиться – всего лишиться!
Ведь там – сплошные лагеря,
А в них – убийцы, а в них – убийцы...»

Ответит он: «Не верь молве —
Их там не больше, чем в Москве!»
Потом уложит чемодан,
И – в Магадан!

Не то чтоб мне – не по годам, —
Я б прыгнул ночью из электрички,
Но я не еду в Магадан,

Забыв привычки, закрыв кавычки.

Я буду петь под струнный звон
Про то, что будет видеть он,
Про то, что в жизни не видал, —
Про Магадан.

Мой друг поедет сам собой —
С него довольно, с него довольно, —
Его не будет бить конвой —
Он добровольно, он добровольно.

А мне удел от бога дан...
А может, тоже – в Магадан?
Уехать с другом заодно —
И лечь на дно!..

1965

Высота

Вцепились они в высоту, как в свое.
Огонь минометный, шквальный...
А мы все лезли толпой на нее,
Как на буфет вокзальный.

И крики «ура» застывали во рту,
Когда мы пули глотали.
Семь раз занимали мы ту высоту —
Семь раз мы ее оставляли.

И снова в атаку не хочется всем,
Земля – как горелая каша...
В восьмой раз возьмем мы ее насовсем —
Свое возьмем, кровное, наше!

А может, ее стороной обойти, —
И что мы к ней прицепились?!
Но, видно, уж точно – все судьбы-пути
На этой высотке скрестились.

1965

«Есть на земле предостаточно рас...»

Есть на земле предостаточно рас —
Просто цветная палитра, —
Воздуха каждый вдыхает за раз
Два с половиною литра!

Если так дальше, так – полный привет —
Скоро конец нашей эры:
Эти китайцы за несколько лет
Землю лишат атмосферы!

Сон мне тут снился неделю подряд —
Сон с пробуждением кошмарным:
Будто – я в дом, а на кухне сидят
Мао Цзедун с Ли Сын Маном!

И что – разделился наш маленький шар
На три огромные части,
Нас – миллиард, их – миллиард,
А остальное – китайцы.

И что – подают мне какой-то листок:
На, мол, подписывай – ну же, —
Очень нам нужен ваш Дальний Восток —
Ах, как ужасно нам нужен!..

Только об этом я сие вспоминал,
Только о нем я и думал, —
Я сослуживца недавно назвал
Мао – простите – Цзедуном!

Но вскорости мы на Луну полетим, —
И что нам с Америкой драться:
Левую – нам, правую – им,
А остальное – китайцам.

1965

Песня о сумасшедшем доме

Сказал себе я: брось писать, —
но руки сами просятся.
Ох, мама моя родная, друзья любимые!
Лежу в палате – косятся,
не сплю: боюсь – набросятся, —
Ведь рядом – психи тихие, неизлечимые.

Бывают психи разные —
не буйные, но грязные, —
Их лечат, морят голодом, их санитары бьют.
И вот что удивительно:
все ходят без смиренных
И то, что мне приносится, все психи эти жрут.

Куда там Достоевскому
с «Записками» известными, —
Увидел бы, покойничек, как бьют об двери лбы!
И рассказать бы Гоголю
про нашу жизнь убогую, —
Ей-богу, этот Гоголь бы нам не поверил бы.

Вот это мука, – плюй на них! —
они же ведь, суки, буйные:
Все норовят меня лизнуть, – ей-богу, нету сил!
Вчера в палате номер семь

один свихнулся насовсем —
Кричал: «Даешь Америку!» – и санитаров бил.

Я не желаю славы, и
пока я в полном здравии —
Рассудок не померк еще, но это впереди, —
Вот главврачиха – женщина —
пусть тихо, но помешана, —
Я говорю: «Сойду с ума!» – она мне: «Подожди!»

Я жду, но чувствую – уже
хожу по лезвию ноже:
Забыл алфавит, падежей припомнил только два...
И я прошу моих друзья,
чтоб кто бы их бы ни был я,
Забрать его, ему, меня отсюда!

1965

Про черта

У меня запой от одиночества —
По ночам я слышу голоса...
Слышу – вдруг зовут меня по отчеству, —
Глянул – черт, – вот это чудеса!
Черт мне корчил рожи и моргал,
А я ему тихонечко сказал:

«Я, брат, коньяком напился вот уж как!
Ну, ты, наверно, пьешь денатурат...
Слушай, черт-чертяка-чертик-чертушка,
Сядь со мной – я очень буду рад...
Да неужели, черт возьми, ты трус?!
Слезь с плеча, а то перекрещусь!»

Черт сказал, что он знаком с Борисовым —
Это наш запойный управдом, —
Черт за обе щеки хлеб уписывал,
Брезговать не стал и коньяком.
Кончился коньяк – не пропадем, —
Съездим к трем вокзалам и возьмем.

Я устал, к вокзалам черт мой съездил сам...
Просыпаюсь – снова черт, – боюсь:
Или он по новой мне пригрезился,
Или это я ему кажусь.

Черт ругнулся матом, а потом
Целоваться лез, вилял хвостом.

Насмеялся я над ним до коликов
И спросил: «Как там у вас в аду
Отношение к нашим алкоголикам —
Говорят, их жарят на спирту?!»
Черт опять ругнулся и сказал:
«И там не тот товарищ правит бал!»

...Все кончилось, светлее стало в комнате, —
Черта я хотел опохмелять,
Но растворился черт как будто в омуте...
Я все жду – когда придет опять...
Я не то чтоб чокнутый какой,
Но лучше – с чертом, чем с самим собой.

1965

«А люди все роптали и роптали...»

А люди все роптали и роптали,
А люди справедливости хотят:
«Мы в очереди первыми стояли, —
А те, кто сзади нас, уже едят!»

Им объяснили, чтобы не ругаться:
«Мы просим вас, уйдите, дорогие!
Те, кто едят – ведь это иностранцы,
А вы, прошу прощенья, кто такие?»

Но люди все роптали и роптали,
Но люди справедливости хотят:
«Мы в очереди первыми стояли, —
А те, кто сзади нас, уже едят!»

Им снова объяснил администратор:
«Я вас прошу, уйдите, дорогие!
Те, кто едят, – ведь это ж делегаты,
А вы, прошу прощенья, кто такие?»

А люди все роптали и роптали,
Но люди справедливости хотят:
«Мы в очереди первыми стояли, —
А те, кто сзади, нас уже едят...»

1966

и тут

Про таких не поют.

Если ж он не скулил,

не ныл,

Пусть он хмур был и зол,

но шел.

А когда ты упал

со скал,

Он стонал,

но держал;

Если шел он с тобой

как в бой,

На вершине стоял – хмельной, —

Значит, как на себя самого

Положись на него!

1966

Здесь вам не равнина

Здесь вам не равнина, здесь климат иной —
Идут лавины одна за одной.
И здесь за камнепадом ревет камнепад, —
И можно свернуть, обрыв обогнуть, —
Но мы выбираем трудный путь,
Опасный, как военная тропа.

Кто здесь не бывал, кто не рисковал —
Тот сам себя не испытал,
Пусть даже внизу он звезды хватал с небес:
Внизу не встретишь, как ни тянись,
За всю свою счастливую жизнь
Десятой доли таких красот и чудес.

Нет алых роз и траурных лент,
И не похож на монумент
Тот камень, что покой тебе подарил, —
Как Вечным огнем, сверкает днем
Вершина изумрудным льдом —
Которую ты так и не покорил.

И пусть говорят, да, пусть говорят,
Но – нет, никто не гибнет зря!
Так лучше – чем от водки и от простуд.
Другие придут, сменив уют

На риск и непомерный труд, —
Пройдут тобой не пройденный маршрут.

Отвесные стены... А ну – не зевай!
Ты здесь на везение не уповай —
В горах не надежны ни камень, ни лед, ни скала, —
Надеемся только на крепость рук,
На руки друга и вбитый крюк —
И молимся, чтобы страховка не подвела.

Мы рубим ступени... Ни шагу назад!
И от напряженья колени дрожат,
И сердце готово к вершине бежать из груди.
Весь мир на ладони – ты счастлив и нем
И только немного завидуешь тем,
Другим – у которых вершина еще впереди.

1966

Скалолазка

Я спросил тебя: «Зачем идете в горы вы? —
А ты к вершине шла, а ты рвалась в бой, —
Ведь Эльбрус и с самолета видно здорово...»
Рассмеялась ты – и взяла с собой.

И с тех пор ты стала близкая и ласковая,
Альпинистка моя, скалолазка моя, —
Первый раз меня из пропасти вытаскивая,
Улыбалась ты, скалолазка моя!

А потом за эти проклятые трещины,
Когда ужин твой я нахваливал,
Получил я две короткие затрещины —
Но не обиделся, а приговаривал:

«Ох, какая же ты близкая и ласковая,
Альпинистка моя, скалолазка моя!..»
Каждый раз меня по трещинам выискивая,
Ты бранила меня, альпинистка моя!

А потом на каждом нашем восхождении —
Но почему ты ко мне недоверчивая?! —
Страховала ты меня с наслаждением,
Альпинистка моя, гуттаперчевая!

Ох, какая ты не близкая, не ласковая,
Альпинистка моя, скалолазка моя!
Каждый раз меня из пропасти вытаскивая,
Ты учила меня, скалолазка моя.

За тобой тянулся из последней силы я —
До тебя уже мне рукой подать, —
Вот долезу и скажу: «Довольно, милая!»
Тут сорвался вниз, но успел сказать:

«Ох, какая ты близкая и ласковая,
Альпинистка моя, скалоласковая!..»
Мы теперь одной веревкой связаны —
Стали оба мы скалолазами!

Прощание с горами

В суету городов и в потоки машин
Возвращаемся мы – просто некуда деться! —
И спускаемся вниз с покоренных вершин,
Оставляя в горах свое сердце.

Так оставьте ненужные споры —
Я себе уже все доказал:
Лучше гор могут быть только горы,
На которых еще не бывал.

Кто захочет в беде оставаться один,
Кто захочет уйти, зову сердца не внемля?!
Но спускаемся мы с покоренных вершин, —
Что же делать – и боги спускались на землю.

Так оставьте ненужные споры —
Я себе уже все доказал:
Лучше гор могут быть только горы,
На которых еще не бывал.

Сколько слов и надежд, сколько песен и тем
Горы будят у нас – и зовут нас остаться! —
Но спускаемся мы – кто на год, кто совсем, —
Потому что всегда мы должны возвращаться.

Так оставьте ненужные споры —
Я себе уже все доказал:
Лучше гор могут быть только горы,
На которых никто не бывал!

1966

«Свои обиды каждый человек...»

Свои обиды каждый человек —
Проходит время – и забывает.
А моя печаль – как вечный снег:
Не тает, не тает.

Не тает она и летом
В полуденный зной, —
И знаю я: печаль-тоску мне эту
Век носить с собой.

1966

Она была в Париже

Л. Лужинной

Наверно, я погиб: глаза закрою – вижу.
Наверно, я погиб: робею, а потом —
Куда мне до нее – она была в Париже,
И я вчера узнал – не только в нем одном!

Какие песни пел я ей про Север дальний! —
Я думал: вот чуть-чуть – и будем мы на «ты», —
Но я напрасно пел о полосе нейтральной —
Ей глубоко плевать, какие там цветы.

Я спел тогда еще – я думал, это ближе —
«Про счетчик», «Про того, кто раньше с нею был»...
Но что ей до меня – она была в Париже, —
Ей сам Марсель Марсо чевой-то говорил!

Я бросил свой завод, хоть, в общем, был не вправе, —
Засел за словари на совесть и на страх...
Но что ей оттого – она уже в Варшаве, —
Мы снова говорим на разных языках...

Приедет – я скажу по-польски: «Прошу пани,
Прими таким, как есть, не буду больше петь...»
Но что ей до меня – она уже в Иране, —

Я понял: мне за ней, конечно, не успеть!

Она сегодня здесь, а завтра будет в Осле, —
Да, я попал впросак, да, я попал в беду!..
Кто раньше с нею был, и тот, кто будет после, —
Пусть пробуют они – я лучше пережду!

1966

Песня-сказка о нечисти

В заповедных и дремучих,
страшных Муромских лесах
Всяка нечисть бродит тучей
и в проезжих сеет страх:
Воет воем, что твои упокойники,
Если есть там соловьи – то разбойники.

Страшно, аж жуть!

В заколдованных болотах
там кикиморы живут, —
Защекочут до икоты
и на дно уволокут.
Будь ты пеший, будь ты конный —
загребастают,
А уж лешие – так по лесу и шастают.

Страшно, аж жуть!

А мужик, купец и воин —
попадал в дремучий лес, —
Кто зачем: кто с перепую,
а кто сдуру в чашу лез.
По причине пропадали, без причины ли, —
Только всех их и видали – словно сгнули.

Страшно, аж жуть!

Из заморского из лесу
где и вовсе сущий ад,
Где такие злые бесы —
чуть друг друга не едят, —
Чтоб творить им совместное зло потом,
Поделиться приехали опытом.

Страшно, аж жуть!

Соловей-разбойник главный
им устроил буйный пир,
А от них был Змей трехглавый
и слуга его – Вампир, —
Пили зелье в черепах, ели бульники,
Танцевали на гробах, богохульники!

Страшно, аж жуть!

Змей Горыныч взмыл на дерево,
ну – раскачивать его:
«Выводи, Разбойник, девок, —
пусть покажут кой-чего!
Пусть нам лешие попляшут, попоют!
А не то я, мать вашу, всех сгною!»

Страшно, аж жуть!

Все взревели, как медведи:
 «Натерпелись – сколько лет!
Ведьмы мы али не ведьмы,
 Патриоты али нет?!
Налил бельма, ишь ты, клещ, – отоварился!
А еще на наших женщин позарился!..»

Страшно, аж жуть!

Соловей-разбойник тоже
 был не только лыком шит, —
Гикнул, свистнул, крикнул: «Рожа,
 ты, заморский, паразит!
Убирайся без боя, уматывай
И Вампира с собою прихватывай!»

Страшно, аж жуть!

...А теперь седые люди
 помнят прежние дела:
Билась нечисть грудью в груди
 и друг друга извела, —
Прекратилось навек безобразие —
Ходит в лес человек безбоязненно,
 И не страшно ничуть!

Песня о новом времени

Как призывный набат, прозвучали в ночи тяжело
шаги, —

Значит, скоро и нам – уходить и прощаться без слов.
По нехоженным тропам протопали лошади, лошади,
Неизвестно к какому концу унося седоков.

Значит, время иное, лихое, но счастье, как встарь, ищи!
И в погоню за ним мы летим, убегающим, вслед.
Только вот в этой скачке теряем мы лучших товарищей,
На скаку не заметив, что рядом – товарищей нет.

И еще будем долго огни принимать за пожары мы,
Будет долго зловещим казаться нам скрип сапогов,
О войне будут детские игры с названиями старыми,
И людей будем долго делить на своих и врагов.

Но когда отгрохочет, когда отгорит и отплачется,
И когда наши кони устанут под нами скакать,
И когда наши девушки сменят шинели на платьица, —
Не забыть бы тогда, не простить бы и не потерять!..

1966

Песни 1967–1970 годов

«Корабли постоят – и ложатся на курс,

Но они возвращаются сквозь непогоду...»
Корабли постоят – и ложатся на курс,
Но они возвращаются сквозь непогоду...
Не пройдет и полгода – и я появлюсь,
Чтобы снова уйти,
 чтобы снова уйти на полгода.

Возвращаются все, кроме лучших друзей,
Кроме самых любимых и преданных женщин.
Возвращаются все, кроме тех, кто нужней.
Я не верю судьбе,
 я не верю судьбе, а себе – еще меньше.

И мне хочется верить, что это не так,
Что сжигать корабли скоро выйдет из моды.
Я, конечно, вернусь – весь в друзьях и в мечтах,
Я, конечно, спую – не пройдет и полгода.

Я, конечно, вернусь – весь в друзьях и в делах,

Я, конечно, спою – не пройдет и полгода.

1966

Песенка про йогов

Чем славится индийская культура?
Ну, скажем, – Шива – многорук, клыкаст...
Еще артиста знаем – Радж Капура,
И касту йогов – странную из каст.

Говорят, что раньше йог
мог
Ни черта не бравши в рот —
год, —
А теперь они рекорд
бьют —
Все едят и целый год
пьют!

А что же мы? И мы не хуже многих —
Мы тоже можем много выпивать, —
И бродят многочисленные йоги —
Их, правда, очень трудно распознать.

Очень много может йог
штук:
Вот один недавно лег
вдруг,
Третий день уже летит, —
стыд! —

Ну, а он себе лежит
спит.

Я знаю, что у них секретов много, —
Поговорить бы с йогом тет-на-тет, —
Ведь даже яд не действует на йога:
На яды у него иммунитет.

Под водой не дышит час —
раз,
Не обидчив на слова —
два,
Если чует, что старик
вдруг —
Скажет: «стоп!», и в тот же миг —
труп!

Я попросил подвыпившего йога
(Он бритвы, гвозди ел, как колбасу):
«Послушай, друг, откройся мне – ей-бога,
С собой в могилу тайну унесу!»

Был ответ на мой вопрос
прост,
Но поссорились мы с ним
в дым, —
Я бы мог открыть ответ
тот,
Но йог велел хранить секрет,

BOT...

1967

Песня о вещем Олеге

Как ныне собирается вещей Олег
Щита прибивать на ворота,
Как вдруг подбегает к нему человек —
И ну шепелявить чего-то.
«Эй, князь, — говорит ни с того ни с сего, —
Ведь примешь ты смерть от коня своего!»

Но только собрался идти он на вы —
Отмщать неразумным хазарам,
Как вдруг прибежали седые волхвы,
К тому же разя перегаром, —
И говорят ни с того ни с сего,
Что примет он смерть от коня своего.

«Да кто вы такие, откуда взялись?! —
Дружина взялась за нагайки, —
Напился, старик, — так пойди похмельись,
И неча рассказывать байки
И говорить ни с того ни с сего,
Что примет он смерть от коня своего!»

Ну, в общем, они не сносили голов, —
Шутить не можете с князьями! —
И долго дружина топтала волхвов
Своими гнедыми конями:

Ишь, говорят ни с того ни с сего,
Что примет он смерть от коня своего!

А вещей Олег свою линию гнул,
Да так, что никто и не пикнул, —
Он только однажды волхвов вспомнил,
И то – саркастически хмыкнул:
Ну надо ж болтать ни с того ни с сего,
Что примет он смерть от коня своего!

«А вот он, мой конь – на века опочил, —
Один только череп остался!..»
Олег преспокойно стопу возложил —
И тут же на месте скончался:
Злая гадюка кусила его —
И принял он смерть от коня своего.

...Каждый волхвов покарать норовит, —
А нет бы – послушаться, правда?
Олег бы послушал – еще один щит
Прибил бы к вратам Цареграда.
Волхвы-то сказали с того и с сего,
Что примет он смерть от коня своего!

1967

Ой, где был я вчера

Ой, где был я вчера – не найду, хоть убей!
Только помню, что стены – с обоями,
Помню – Клавка была, и подруга при ей, —
Целовался на кухне с обоими.

А наутро я встал —
Мне давай сообщать,
Что хозяйку ругал,
Всех хотел застращать,
Будто голым скакал,
Будто песни орал,
А отец, говорил,
У меня – генерал!

А потом рвал рубаху и бил себя в грудь,
Говорил, будто все меня продали,
И гостям, говорят, не давал продыхнуть —
Донимал их блатными аккордами.

А потом кончил пить —
Потому что устал, —
Начал об пол крушить
Благородный хрусталь,
Лил на стены вино,
А кофейный сервиз,

Растворивши окно,
Взял да выбросил вниз.

И никто мне не мог даже слова сказать.
Но потом потихоньку оправились, —
Навалились гурьбой, стали руки вязать,
А потом уже – все позабавились.

Кто – плевал мне в лицо,
А кто – водку лил в рот,
А какой-то танцор
Бил ногами в живот...
Молодая вдова,
Верность мужу храня, —
Ведь живем одна —
Пожалела меня.

И бледнел я на кухне разбитым лицом,
Делал вид, что пошел на попятную,
«Развяжите, – кричал, – да и дело с концом!»
Развязали, – но вилки попрытали.

Тут вообще началось —
Не опишешь в словах, —
И откуда взялось
Столько силы в руках! —
Я как раненый зверь
Напоследок чудил:
Выбил окна и дверь

И балкон уронил.

Ой, где был я вчера – не найду днем с огнем!
Только помню, что стены – с обоями, —
И осталось лицо – и побои на нем, —
Ну куда теперь выйти с побоями!

...Если правда оно —
Ну, хотя бы на треть, —
Остается одно:
Только лечь помереть!
Хорошо, что вдова
Все смогла пережить,
Пожалела меня —
И взяла к себе жить.

1967

Спасите наши души

Уходим под воду
В нейтральной воде.
Мы можем по году
Плевать на погоду, —
А если накроют —
Локаторы взвоят
О нашей беде.

Спасите наши души!
Мы бредим от удушья.
Спасите наши души!
 Спешите к нам!
Услышьте нас на суше —
Наш SOS все глуше, глуше, —
И ужас режет души
 Напополам...

И рвутся аорты,
Но наверх – не сметь!
Там слева по борту,
Там справа по борту,
Там прямо по ходу —
Мешает проходу
Рогатая смерть!

Спасите наши души!
Мы бредим от удушья.
Спасите наши души!

Спешите к нам!

Услышьте нас на суше —
Наш SOS все глуше, глуше, —
И ужас режет души
Напополам...

Но здесь мы – на воле, —
Ведь это наш мир!
Свихнулись мы, что ли, —
Всплывать в минном поле!
«А ну, без истерик!
Мы врежемся в берег», —
Сказал командир.

Спасите наши души!
Мы бредим от удушья.
Спасите наши души!

Спешите к нам!

Услышьте нас на суше —
Наш SOS все глуше, глуше, —
И ужас режет души
Напополам...

Всплывем на рассвете —
Приказ есть приказ!
Погибнуть во цвете —

Уж лучше при свете!
Наш путь не отмечен...
Нам нечем... Нам нечем!..
Но помните нас!

Спасите наши души!
Мы бредим от удушья.
Спасите наши души!

Спешите к нам!

Услышьте нас на суше —
Наш SOS все глуше, глуше, —
И ужас режет души
Напополам...

Вот вышли наверх мы.
Но выхода нет!
Вот – полный на верфи!
Натянуты нервы.
Конец всем печалям,
Концам и началам —
Мы рвемся к причалам
Заместо торпед!

Спасите наши души!
Мы бредим от удушья.
Спасите наши души!

Спешите к нам!

Услышьте нас на суше —
Наш SOS все глуше, глуше, —

И ужас режет души
Напополам...
Спасите наши души!
Спасите наши души...

1967

Невидимка

Сижу ли я, пишу ли я, пью кофе или чай,
Приходит ли знакомая блондинка —
Я чувствую, что на меня глядит соглядатай,
Но только не простой, а – невидимка.

Иногда срываюсь с места
Будто тронутый я,
До сих пор моя невеста —
Мной не тронутая!

Про погоду мы с невестой
Ночью диспуты ведем,
Ну, а что другое если —
Мы стесняемся при ем.

Обидно мне,
Досадно мне, —
Ну ладно!

Однажды выпиваю – да и кто сейчас не пьет! —
Нейдет она: как рюмка – так в отрыжку, —
Я чувствую – сидит, подлец, и выпитому счет
Ведет в свою невидимую книжку.

Иногда срываюсь с места

Как напудренный я,
До сих пор моя невеста —
Целомудренная!

Про погоду мы с невестой
Ночью диспуты ведем,
Ну, а что другое если —
Мы стесняемся при ем.

Обидно мне,
Досадно мне, —
Ну ладно!

Я дергался, я нервничал – на хитрости пошел:
Вот лягу спать и поднимаю храп; ну,
Коньяк открытый ставлю и – закусочку на стол, —
Вот сядет он – тут я его и хапну!

Иногда срываюсь с места
Будто тронутый я,
До сих пор моя невеста —
Мной не тронутая!

Про погоду мы с невестой
Ночью диспуты ведем,
Ну, а что другое если —
Мы стесняемся при ем.

Обидно мне,

Досадно мне, —
Ну ладно!

К тому ж он мне вредит, – да вот не дале, как вчера —
Поймаю, так убью его на месте! —
Сижу, а мой партнер подряд играет «мизера»,
А у меня «гора» – три тыщи двести!

Побледнев, срываюсь с места
Как напудренный я,
До сих пор моя невеста —
Целомудренная!

Про погоду мы с невестой
Ночью диспуты ведем,
Ну, а что другое если —
Мы стесняемся при ем.

Обидно мне,
Досадно мне, —
Ну ладно!

А вот он мне недавно на работу написал
Чудовищно тупую анонимку, —
Начальник прочитал, мне показал, – а я узнал
По почерку – родную невидимку.

Оказалась невидимкой —
Нет, не тронутый я —

Эта самая блондинка,
Мной не тронутая!

Эта самая блондинка...
У меня весь лоб горит!
Я спросил: «Зачем ты, Нинка?»
«Чтоб женился», – говорит.

Обидно мне,
Досадно мне, —
Ну ладно!

1967

Моя цыганская

В сон мне – желтые огни,
И хриплю во сне я:
«Повремени, повремени —
Утро мудренее!»
Но и утром все не так,
Нет того веселья:
Или куришь натошак,
Или пьешь с похмелья.

В кабаках – зеленый штоф,
Белые салфетки, —
Рай для нищих и шутов,
Мне ж – как птице в клетке.
В церкви – смрад и полумрак,
Дьяки курят ладан...
Нет и в церкви все не так,
Все не так, как надо!

Я – на гору впопыхах,
Чтоб чего не вышло, —
На горе стоит ольха,
А под горою – вишня.
Хоть бы склон увит плющом —
Мне б и то отрада,
Хоть бы что-нибудь еще...

Все не так, как надо!

Я – по полю вдоль реки:

Света – тьма, нет Бога!

В чистом поле – васильки,

Дальняя дорога.

Вдоль дороги – лес густой

С бабами-ягами,

А в конце дороги той —

Плаха с топорами.

Где-то кони пляшут в такт,

Нехотя и плавно.

Вдоль дороги все не так,

А в конце – подавно.

И ни церковь, ни кабак —

Ничего не свято!

Нет, ребята, все не так!

Все не так, ребята...

1967

«На стол колоду, господа...»

«На стол колоду, господа, —
Крапленая колода!
Он подменил ее». — «Когда?»
«Барон, вы пили воду...»

Валет наколот, так и есть!
Барон, ваш долг погашен!
Вы проходимец, ваша честь, —
И я к услугам вашим!

Что? Я не слышу ваш апарт...
О нет, так не годится!»
...А в это время Бонапарт
Переходил границу.

«Закончить не смогли вы кон —
Верните бриллианты!
А вы, барон, и вы, виконт,
Пожалте в секунданты!

Ответьте, если я не прав, —
Но наперед все лживо!
Итак, оружие ваше, граф?!
За вами выбор — живо!

Вы не получите инфаркт,
Вам не попасть в больницу!»
...А в это время Бонапарт
Переходил границу.

«Да полно, назначаю сам:
На шпагах, пистолетах,
Хотя сподручней было б вам —
На дамских амулетах.

Кинжал... — ах, если б вы смогли!.. —
Я дрался им в походах!
Но вы б, конечно, предпочли —
На шулерских колодах!

Вам скоро будет не до карт —
Вам предстоит сразиться!»
...А в это время Бонапарт
Переходил границу.

«Не поднимайте, ничего, —
Я встану сам, сумею!
И снова вызову его,
Пусть даже протрезвею.

Барон, молчать! Виконт, не хнычь!
Плевать, что тьма народу!
Пусть он расскажет, старый хрыч,
Чем он крапил колоду!

Когда откроет тайну карт —
Дуэль не состоится!»
...А в это время Бонапарт
Переходил границу.

«А коль откажется сказать —
Клянусь своей главою:
Графиню можете считать
Сегодня же вдовою.

И хоть я шуток не терплю,
Но я могу взбеситься, —
Тогда я графу прострелю,
Эскюз ми, ягодицу!»

Стоял июль, а может – март...
Летели с юга птицы...
А в это время Бонапарт
Переходил границу.

«...Ах, граф, прошу меня простить —
Я вел себя бестактно, —
Я в долг хотел у вас просить,
Но не решился как-то.

Хотел просить наедине —
Мне на людях неловко —
И вот пришлось затеять мне

Дебош и потасовку.

О да, я выпил целый штоф —
И сразу вышел червой...
Дурак?! Вот как! Что ж, я готов!
Итак, ваш выстрел первый...»

Стоял весенний месяц март,
Летели с юга птицы...
А в это время Бонапарт
Переходил границу.

1968

«Сколько чудес за туманами кроется...»

Сколько чудес за туманами кроется —
Ни подойти, ни увидеть, ни взять, —
Дважды пытались, но Бог любит троицу —
Глупо опять поворачивать вспять.

Выучи намертво, не забывай
И повторяй как заклинание:
«Не потеряй веру в тумане,
Да и себя не потеряй!»

Было когда-то – тревожили беды нас, —
Многих туман укрывал от врагов.
Нынче, туман, не нужна твоя преданность —
Хватит тайгу запираť на засов!

Выучи намертво, не забывай
И повторяй как заклинание:
«Не потеряй веру в тумане,
Да и себя не потеряй!»

Тайной покрыто, молчанием сколото —
Заклдовала природа-шаман.
Черное золото, белое золото

Сторож седой охраняет – туман.

Только ты выучи, не забывай
И повторяй как заклинание:
«Не потеряй веру в тумане,
Да и себя не потеряй!»

Что же выходит – и пробовать нечего,
Перед туманом ничто человек?
Но от тепла, от тепла человеческого
Даже туман поднимается вверх!

Выучи, вызубри, не забывай
И повторяй как заклинание:
«Не потеряй веру в тумане,
Да и себя не потеряй!»
Не потеряй!

«Красивых любят чаще и прилежней...»

Красивых любят чаще и прилежней,
Веселых любят меньше, но быстрее, —
И молчаливых любят, только реже,
Зато уж если любят, то сильней.

Не кричи нежных слов, не кричи,
До поры поддержи их в неволе, —
Пусть кричат пароходы в ночи,
Ну а ты промолчи, промолчи, —
Поспесишь – и ищи ветра в поле.

Она читает грустные романы, —
Ну пусть сравнит, и ты доверься ей, —
Ведь появились черные тюльпаны —
Чтобы казались белые белей.

Не кричи нежных слов, не кричи,
До поры поддержи их в неволе, —
Пусть кричат пароходы в ночи,
Ну а ты промолчи, промолчи, —
Поспесишь – и ищи ветра в поле.

Слова бегут, им тесно – ну и что же! —

Ты никогда не бойся опоздать.
Их много – слов, но все же если можешь —
Скажи, когда не можешь не сказать.

Не кричи нежных слов, не кричи,
До поры поддержи их в неволе, —
Пусть кричат пароходы в ночи,
Ну а ты промолчи, промолчи, —
Поспешись – и ищи ветра в поле.

1968

«Давно смолкли залпы орудий...»

Давно смолкли залпы орудий,
Над нами лишь солнечный свет, —
На чем проверяются люди,
Если войны уже нет?

Приходится слышать нередко
Сейчас, как тогда:
«Ты бы пошел с ним в разведку?
Нет или да?»

Не ухнет уже бронебойный,
Не быть похоронной под дверь,
И кажется – все так спокойно,
Негде раскрыться теперь...

Но все-таки слышим нередко
Сейчас, как тогда:
«Ты бы пошел с ним в разведку?
Нет или да?»

Покой только снится, я знаю, —
Готовься, держись и дерись! —
Есть мирная передовая —
Беда, и опасность, и риск.

Поэтому слышим нередко
Сейчас, как тогда:
«Ты бы пошел с ним в разведку?
Нет или да?»»

В полях обезврежены мины,
Но мы не на поле цветов, —
Вы поиски, звезды, глубины
Не сбрасывайте со счетов.

Поэтому слышим нередко
Сейчас, как тогда:
«Ты бы пошел с ним в разведку?
Нет или да?»»

1968

Еще не вечер

К четырехлетию Таганки, Ю. Любимову

Четыре года рыскал в море наш корсар, —
В боях и штормах не поблекло наше знамя,
Мы научились штопать паруса
И затыкать пробоины телами.

За нами гонится эскадра по пятам, —
На море штиль – и не избегнуть встречи!
Но нам сказал спокойно капитан:
«Еще не вечер, еще не вечер!»

Вот развернулся боком флагманский фрегат —
И левый борт окрасился дымами, —
Ответный залп – на глаз и наугад —
Вдали пожар и смерть! Удача с нами!

Из худших выбирались передряг,
Но с ветром худо, и в трюме течи, —
А капитан нам шлет привычный знак:
Еще не вечер, еще не вечер!

На нас глядят в бинокли, в трубы сотни глаз —
И видят нас от дыма злых и серых, —
Но никогда им не увидеть нас

Прикованными к веслам на галерах!

Неравный бой – корабль кренится наш, —
Спасите наши души человечьи!
Но крикнул капитан: «На abordаж!
Еще не вечер, еще не вечер!»

Кто хочет жить, кто весел, кто не тля, —
Готовьте ваши руки к рукопашной!
А крысы – пусть уходят с корабля, —
Они мешают схватке бесшабашной.

И крысы думали: а чем не шутит черт, —
И тупо прыгали, спасаясь от картечи.
А мы с фрегатом становились к борту борт, —
Еще не вечер, еще не вечер!

Лицо в лицо, ножи в ножи, глаза в глаза, —
Чтоб не достаться спрутам или крабам —
Кто с кольцом, кто с кинжалом, кто в слезах, —
Мы покидали тонущий корабль.

Но нет, им не послать его на дно —
Поможет океан, взвалив на плечи, —
Ведь океан-то с нами заодно.
И прав был капитан: еще не вечер!

Банька по-белому

Протопи ты мне баньку, хозяйюшка,
Раскалю я себя, распалю,
На полоче, у самого краюшка,
Я сомненья в себе истреблю.

Разомлею я до неприличности,
Ковш холодной – и все позади, —
И наколка времен культа личности
Засинеет на левой груди.

Протопи ты мне баньку по-белому, —
Я от белого свету отвык, —
Угорю я – и мне, угорелому,
Пар горячий развяжет язык.

Сколько веры и лесу повалено,
Сколь изведано горя и трасс!
А на левой груди – профиль Сталина,
А на правой – Маринка анфас.

Эх, за веру мою беззаветную
Сколько лет отдыхал я в раю!
Променил я на жизнь бесприсветную
Несусветную глупость мою.

Протопи ты мне баньку по-белому, —
Я от белого свету отвык, —
Угорю я – и мне, угорелому,
Пар горячий развяжет язык.

Вспоминаю, как утречком раненько
Брату крикнуть успел: «Пособи!» —
И меня два красивых охранника
Повезли из Сибири в Сибирь.

А потом на карьере ли, в топи ли,
Наглотавшись слезы и сырца,
Ближе к сердцу кололи мы профили,
Чтоб он слышал, как рвутся сердца.

Протопи ты мне баньку по-белому, —
Я от белого свету отвык, —
Угорю я – и мне, угорелому,
Пар горячий развяжет язык.

Ох, знобит от рассказа дотошного!
Пар мне мысли прогнал от ума.
Из тумана холодного прошлого
Окунаюсь в горячий туман.

Застучали мне мысли под темечком:
Получилось – я зря им клеймен, —
И хлещу я березовым веничком
По наследию мрачных времен.

Протопи ты мне баньку по-белому, —
Чтоб я к белому свету привык, —
Угорю я – и мне, угорелому,
Ковш холодной развяжет язык.
Протопи!..

Не топи!..

Протопи!..

1968

Охота на волков

Рвусь из сил – и из всех сухожилий,
Но сегодня – опять как вчера:
Обложили меня, обложили —
Гонят весело на номера!

Из-за елей хлопочут двустволки —
Там охотники прячутся в тень, —
На снегу кувыркаются волки,
Превратившись в живую мишень.

Идет охота на волков, идет охота —
На серых хищников, матерых и щенков!
Кричат загонщики, и лают псы до рвоты,
Кровь на снегу – и пятна красные флажков.

Не на равных играют с волками
Егеря – но не дрогнет рука, —
Оградив нам свободу флажками,
Бьют уверенно, наверняка.

Волк не может нарушить традиций, —
Видно, в детстве – слепые щенки —
Мы, волчата, сосали волчицу
И всосали: нельзя за флажки!

И вот – охота на волков, идет охота —
На серых хищников, матерых и щенков!
Кричат загонщики, и лают псы до рвоты,
Кровь на снегу – и пятна красные флажков.

Наши ноги и челюсти быстры, —
Почему же, вожак, – дай ответ —
Мы затравленно мчимся на выстрел
И не пробуем – через запрет?!

Волк не может, не должен иначе.
Вот кончается время мое:
Тот, которому я предназначен,
Улыбнулся – и поднял ружье.

Идет охота на волков, идет охота —
На серых хищников, матерых и щенков!
Кричат загонщики, и лают псы до рвоты,
Кровь на снегу – и пятна красные флажков.

Я из повиновения вышел —
За флажки, – жажда жизни сильней!
Только сзади я с радостью слышал
Удивленные крики людей.

Рвусь из сил – и из всех сухожилий,
Но сегодня не так, как вчера:
Обложили меня, обложили —
Но остались ни с чем егеря!

Идет охота на волков, идет охота —
На серых хищников, матерых и щенков!
Кричат загонщики, и лают псы до рвоты,
Кровь на снегу – и пятна красные флажков.

1968

Оловянные солдатики

Н. Высоцкому

Будут и стихи, и математика,
Почести, долги, неравный бой, —
Нынче ж оловянные солдатики
Здесь, на старой карте, стали в строй.

Лучше бы уж он держал в казарме их,
Только – на войне как на войне —
Падают бойцы в обеих армиях,
Поровну на каждой стороне.

Может быть – пробелы в воспитании
И в образовании слабина, —
Но не может выиграть кампании
Та или другая сторона.

Совести проблемы окаянные —
Как перед собой не согрешить?
Тут и там – солдаты оловянные, —
Как решить, кто должен победить?

И какая, к дьяволу, стратегия,
И какая тактика, к чертям!
Вот сдалась нейтральная Норвегия.

Ордам оловянных египтян.

Левою рукою Скандинавия
Лишена престижа своего, —
Но рука решительная правая
Вмиг восстановила статус-кво.

Где вы, легкомысленные гении,
Или вам являться недосуг?
Где вы, проигравшие сражения
Просто, не испытывая мук?

Или вы, несущие в венце зарю
Битв, побед, триумфов и могил, —
Где вы, уподобленные Цезарю,
Что пришел, увидел, победил?

Нервничает полководец маленький,
Непосильной ношей отягчен,
Вышедший в громадные начальники,
Шестилетний мой Наполеон.

Чтобы прекратить его мучения,
Ровно половину тех солдат
Я покрасил синим – шутка гения, —
Утром вижу – синие лежат.

Я горжусь успехами такими, но
Мысль одна с тех пор меня гнетет:

Как решил он, чтоб погибли именно
Синие, а не наоборот?..

1969

Ноль семь

Для меня эта ночь – вне закона,
Я пишу – по ночам больше тем.
Я хватаюсь за диск телефона,
Набираю вечное ноль семь.

«Девушка, здравствуйте! Как вас звать?» – «Тома».
«Семьдесят вторая! Жду, дыханье затая...
Быть не может, повторите, я уверен – дома!..
Вот уже ответили.

Ну здравствуй, это я!»

Эта ночь для меня вне закона,
Я не сплю – я кричу: «Поскорей!...»
Почему мне в кредит, по талону
Предлагают любимых людей!

«Девушка, слушайте! Семьдесят вторая!
Не могу дождаться, и часы мои стоят...
К дьяволу все линии – я завтра улетаю!..
Вот уже ответили.

Ну здравствуй, это я!»

Телефон для меня – как икона,
Телефонная книга – триптих,
Стала телефонистка мадонной,

Расстоянье на миг сократив.

«Девушка, милая! Я прошу – продлите!
Вы теперь как ангел – не сходите ж с алтаря!
Самое главное – впереди, поймите...
Вот уже ответили.

Ну здравствуй, это я!»

Что, опять повреждение на трассе?
Что, реле там с ячейкой шалят?
Мне плевать – буду ждать, – я согласен
Начинать каждый вечер с нуля!

«Ноль семь, здравствуйте! Снова я». – «Да что вам?»
«Нет, уже не нужно, – нужен город Магадан.
Не даю вам слова, что звонить не буду снова, —
Просто друг один – узнать, как он, бедняга, там...»

Эта ночь для меня вне закона,
Ночи все у меня не для сна, —
А усну – мне приснится мадонна,
На кого-то похожа она.

«Девушка, милая! Снова я, Тома!
Не могу дожждаться – жду, дыханье затая...
Да, меня!.. Конечно, я!.. Да, я!.. Конечно, дома!»
«Вызываю... Отвечайте...» – «Здравствуй, это я!»

«И душа и голова, кажись, болит...»

И душа и голова, кажись, болит, —
Верьте мне, что я не притворяюсь.
Двести тыщ – тому, кто меня вызволит!
Ну и я, конечно, постараюсь.

Нужно мне туда, где ветер с соснами, —
Нужно мне, и все, – там интереснее!
Поделюсь хоть всеми папиросами
И еще вдобавок тоже – песнями.

Дайте мне глоток другого воздуха!
Смею ли роптать? Наверно, смею.
Запах здесь... А может быть, вопрос в духах?..
Отблагодарю, когда сумею.

Нервы у меня хотя луженые,
Кончилось спокойствие навеки.
Эх вы мои нервы обнаженные!
Ожили б – ходили б как калеки.

Не глядите на меня, что губы сжал, —
Если слово вылетит, то – злое.
Я б отсюда в тапочках в тайгу сбежал, —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.